

КАРАСУМИ

ГОД

БАГРОВЫХ

УБИЙСТВ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.581-312.4
ББК 84(5Кор)-44
К21

腥紅速寫 © 2023 by 唐墨 Karasumi

All rights reserved

Originally published in Taiwan in 2023 by Links Publishing Ltd.

Russian edition published in 2026 by Eksmo Publishing House Under the
license from Links Publishing Ltd.

Through Power of Content Co. Ltd.

Карасуми.

К21 Год багровых убийств / Карасуми ; [перевод с китайского Е. Князевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Ток. Иямису-триллер о профайлерах и маньяках).

ISBN 978-5-04-238151-5

Никто не мог предположить, что тихий рыбацкий поселок Шуйдиляо целый год будет трясти от ужаса. За это время здесь при совершенно загадочных обстоятельствах умерли семь школьников. Когда жители уже сходили с ума от невозможности полиции найти причину их смерти, оказалось, что это все-таки дело рук серийного убийцы. Женщины по имени Чэнь Линь Шуфэнь. Ее поймали и осудили. При этом она не признала вины и не ответила ни на один вопрос. Так почему были убиты невинные дети?

Ответы страстно желает найти Юэсюэ — она вернулась на родину из США, где в ФБР выучилась на профайлера, и надеется использовать свои навыки, чтобы найти истину. Ее метод уникален — она фиксирует ход расследования не словами, а рисунками. Но уникально в ней не только это. Юэсюэ страдает от жутких видений наяву. И чем больше проникает в изуродованную душу убийцы, тем страшнее они становятся. Багровый мрак окутывает все сильнее; единственный путь к разгадке — через личный ад. Выдержит ли психика очередной виток этого кошмара?

УДК 821.581-312.4
ББК 84(5Кор)-44

© Князева Е., перевод на русский язык,
2025

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-238151-5

Часть I

Возвращение
в Шуйдиляо

ФАНТОМ

В этот час рынок был закрыт, однако в воздухе витал резкий запах тухлятины. Сделав вдох, Юэсюэ огляделась по сторонам, пытаясь определить источник вони. Подняв голову, она увидела впереди жестяную кровлю продовольственного рынка, дребезжащую под порывами знойного ветра, приносившего с моря соль и песок. Железный лист истончился, стал хрупким и покрылся ржавчиной, которая хлопьями осыпалась в нескольких местах. Морской бриз проделал мелкие отверстия в ржавой поверхности, сквозь которые проникал солнечный свет, освещая прилавки мясных рядов, грубо сколоченные из досок, насквозь пропитанных застарелой кровью домашней скотины. Комбинация запаха въевшейся в древесину крови и аромата тухлятины, пропитавшего ржавый металл, создавала впечатление, будто неупокоенные души этих туш не развеялись, а продолжают скитаться неприкаянными по рынку. Юэсюэ несколько раз взмахнула полами тренча в попытках разогнать стоявшую в воздухе вонь, сгустившуюся в смрад у нее на пути.

Несмотря на удушающую южную августовскую жару, ее привычки со времен проживания в Бостоне не изменились. Девушка была одета в короткую, молочной белизны рубашку и джинсы, поверх которых был черный тренч жесткого кроя с воротником-стойкой. Этот тренч она среди немногочисленных прочих вещей привезла с собой из США. Универсальный предмет одежды, одинаково подходивший как для занятий в университете и заседаний кафедры, так и для прогулок по улицам и досуга. Значительную часть своего гардероба Юэсюэ перед отъездом пожертвовала местной религиозной общине. Прожив более десяти лет в Штатах, она вернулась обратно лишь с шестью чемоданами — большая их часть была забита книгами. Библиотека девушки преимущественно состояла из книг по психологии, медицине, философии, педагогике, даже религии, а также нескольких монографий по общим вопросам юриспруденции и сборников по криминалистике. Каждую из книг она прочла с карандашом в руках — и по меньшей мере дважды. Чернила двух разных цветов, использованные Юэсюэ для пометок, а также едва заметные изменения в почерке позволяли определить ее душевное состояние в ходе чтения.

В книжной коллекции Юэсюэ также имелось несколько кулинарных книг, в том числе давным-давно приобретенная в букинистическом магазине книга рецептов Фу Пэймэй¹ на английском языке. Юэсюэ

¹ Фу Пэймэй — известная тайваньская кулинар и телеведущая, автор более тридцати книг о китайской кухне.

закупала ингредиенты на рынке в соответствии с рецептами автора и возвращалась домой практиковаться в приготовлении еды. Когда она только приехала в США, у нее не было мультиварки, поэтому если ей хотелось поесть отварного риса, то приходилось идти в ресторан, принадлежавший выходцу из Гонконга. За одну порцию отварной утки с рисом нужно было выложить как минимум шесть долларов. К счастью, в Штатах продавались книги Фу Пэймэй, чьи рецепты Юэсюэ основательно проштудировала. Она научилась готовить рис без мультиварки, постепенно осваивая новые кулинарные приемы и хитрости, способы приготовления банкетных блюд из расчета на одного человека и техники, позволяющие исключить лишние этапы в приготовлении продуктов. На протяжении всего периода обучения в университете девушка практически всегда брала с собой обед собственного приготовления. Ее светловолосые и голубоглазые одноклассники вряд ли могли себе представить, что в скромной комнатке общежития, которую она снимала, можно приготовить национальные китайские блюда ресторанного уровня типа цыпленка гунбао¹ или мапо тофу². Многие ее земляки, обучавшиеся в США в то же время, что и Юэсюэ, впоследствии утратили былую форму благодаря «диете», состоявшей из гамбургеров, картофеля фри и кока-

¹ Цыпленок гунбао — блюдо сычуаньской кухни из мяса цыпленка с арахисом и перцем чили.

² Мапо тофу — острый жареный соевый творог по-сычуаньски со свиным или говяжьим фаршем и перцем, в остром соусе.

колы, в то время как ей удалось сохранить такую же осиную талию, как тогда, когда она садилась в самолет, вылетающий из Китая в США. Ее старая ветровка служила тому доказательством. На протяжении десяти лет девушка строго следила за своим рационом, а также соблюдала режим учебы и отдыха, словно профессиональный спортсмен. Единственное отличие заключалось в том, что на смену прямому бобу-каре пришли длинные черные волосы, которые сейчас доходили ей до пояса. От каждого движения Юэсюэ, каждого ее шага среди нечистот продовольственного рынка невольно веяло уверенностью и достоинством, присущими ученым, возвратившимся на родину, а также зрелостью и свободой.

В отличие от торговых залов сетевых американских супермаркетов — в которых каждый товар был четко промаркирован, освещение — ярким, а чистота — идеальной, — на старом рынке Шуйдиляо приходилось все время следить, чтобы не вляпаться в очередную лужу, а также за постоянно выныривавшими из ниоткуда мопедами и мотоциклами. Каждый раз, когда Юэсюэ достигала развилки, она останавливалась, оглядывалась по сторонам и сверялась с фотографиями из новостных заметок, лежавшими в красной картонной папке, поочередно скрупулезно сопоставляя каждую из них с окружающей местностью. Только убедившись в правильности своего местоположения, девушка направлялась дальше. На обратной стороне папки маркером была сделана надпись «Чэнь Линь Шуфэнь». Это имя сейчас было у всех на слуху и вызвало

огромный общественный резонанс. Репортеры крупнейших телеканалов и печатных изданий освещали произошедшее с места событий. После этого тут же возникли парламентарии с заявлениями в духе: «Как школам предотвратить появление новой Чэнь Линь Шуфэнь? Нельзя допустить, чтобы учебные кампусы превращались в охотничьи угодья». Или: «Какие меры планирует принять мэр перед лицом следующей Чэнь Линь Шуфэнь?» Серия убийств, произошедших в Наньду, потрясла всю страну. Эти убийства не только всколыхнули общественные массы, но стали ключевым вопросом повестки органов власти для выработки стратегии защиты граждан.

Для Юэсюэ эта серия убийств должна была стать самым пристальным объектом исследования светил психологического факультета, на которое следовало бросить все силы — не только потому, что это была самая серьезная серия убийств в стране, но и потому, что Чэнь Линь Шуфэнь, уже сидевшая за решеткой, до сих пор не соглашалась раскрыть свой мотив. О ней было известно лишь, что она — самая обычная женщина, проживавшая в Шуйдиляо.

Помимо газетных вырезок, в папке лежали также несколько десятков снимков, сделанных на месте преступления и полученных от неизвестных источников. На них можно было вполне отчетливо разглядеть фигуру и выражение лица Чэнь Линь Шуфэнь. Копия вынесенного приговора, который был недавно обжалован, но, похоже, имел весьма скудные шансы на пересмотр... Профили семи пострадавших школьников, включая фотографии невинных детских лиц, от кото-

рых слезы наворачивались на глаза... Несколько листов с результатами медицинских обследований и результатов психиатрической экспертизы Чэнь Линь Шуфэнь, подтвердившей ее вменяемость...

Чтобы изучить Чэнь Линь Шуфэнь, было необходимо сначала обязательно получить эту папку с документами. Хотя информация, представленная в ней, еще весьма ограничена, а изложенные взгляды односторонни, тем не менее можно понять, что судья с самого начала не собирался принимать во внимание признания и показания самой Чэнь Линь Шуфэнь, квалифицировав содеянные ею преступления как тяжкие. Тем не менее эта красная картонная папка с досье в настоящий момент была самым полным источником сведений по делу Чэнь Линь Шуфэнь.

— Откуда доцент Се получил все эти материалы? — Цзинфан, ассистентка Юэсюэ, отвечавшая за составление расписания занятий и систематизацию научной литературы, заметила, что многие фотоматериалы в папке были сделаны в полицейском участке или в тюрьме и не должны были находиться в публичном доступе за пределами зала суда. На каждом документе стояла печать «Доцент Се Вэньчжэ».

— Он весьма преуспел в подобных вещах, — заметила Юэсюэ о своем однокласснике, учившемся с ней на факультете психологии в Бостоне, чей характер, впрочем, можно было описать как сложный. — Когда я сидела над дипломом, он каждый вечер ужинал вместе с профессурой. Я все еще писала дипломную работу, а он уже выпустился — на полгода раньше меня.

Се Вэньчжэ вернулся на родину гораздо раньше Юэсюэ — и гораздо раньше, чем она, оказался в Университете Пекина. Можно сказать, что Юэсюэ удалось получить приглашение на работу в некоторой степени благодаря американскому ученому Се Вэньчжэ, который уже успел зарекомендовать уровень знаний, полученных на факультете психологии Университета Бостона. Когда декан ознакомился с резюме Юэсюэ и узнал, что она является выпускницей того же учебного заведения, он тут же преисполнился решимости принять ее на работу. Возможно, Се Вэньчжэ также замолвил словечко о старой одногруппнице, однако до настоящего момента ни разу не упоминал об этом, поэтому Юэсюэ предпочитала делать вид, что этого не было. Она не хотела быть ему обязанной.

— Раз он такой хваткий, то неужели не захочет воспользоваться данным делом для продвижения по карьерной лестнице?

— Он сказал, что у него есть более интересная тема для изучения, поэтому передал это дело мне.

— Не знаю, можно ли так говорить, но мне действительно трудно проникнуться к нему симпатией. — Сидевшая на диване и листавшая папку Цзинфан без особого интереса болтала с Юэсюэ о Шуйдиляо и Чэнь Линь Шуфэнь, время от времени возвращаясь к Се Вэньчжэ.

— Ты не первая, кто о нем так отзывается, — рассмеялась Юэсюэ.

Се Вэньчжэ рассчитывал, что они с Юэсюэ займутся совместными исследованиями и напишут в соавторстве диссертацию о Чэнь Линь Шуфэнь.

Он надеялся, что, внимательно изучив добытые им по специальным каналам сведения о номере тюремной камеры, фотографии с реконструкции места преступления, которые ни в коем случае не должны были стать достоянием общественности, а также свидетельские показания местных торговцев и прочие документы, Юэсюэ проведет анализ и сделает выводы, которые, кто знает, возможно, дадут ему полезные зацепки и ниточки, которые он сам мог упустить... Однако девушка считала, что всей этой информации недостаточно для того, чтобы по-настоящему изучить Чэнь Линь Шуфэнь. Обстоятельства преступления, изложенные в приговоре суда, главным образом опирались на собранные полицией улики и допрос прокурором свидетелей по делу. Так, в протоколе допроса Чэнь Линь Шуфэнь значилось, что она некогда посещала аптеку в целях покупки высокотоксичного яда — цианида калия. Аптекарь женщина объяснила данную покупку необходимостью почистить водоем. Вдобавок ее адвокат привел в качестве аргумента защиты медицинскую запись из службы скорой помощи за последний год, согласно которой Чэнь Линь Шуфэнь была экстренно госпитализирована в связи с неудачной попыткой суицида, что, по мнению защиты, свидетельствовало о том, что вышеупомянутый яд подзреваемая планировала использовать на себе и он не мог иметь никакого отношения к жертвам. Согласно эпикризу, Чэнь Линь Шуфэнь до совершения преступления действительно страдала от депрессии и изматывающей бессонницы. Однако психиатри-

ческая экспертиза признала ее полностью вменяемой на момент совершения преступления, без признаков психоза, аффективных расстройств и утраты чувства реальности.

Возможно осознав, что подобное рациональное опровержение доводов обвинения может лишь подтвердить, что ее поведение соответствует выводам психиатрической экспертизы как полностью вменяемое, до момента оглашения приговора судом первой инстанции Чэнь Линь Шуфэнь отказалась от опровержения, больше не сказала ни слова, отказалась отвечать на любые вопросы в зале суда, а также не позволила адвокату продолжать говорить от ее имени в ее защиту. После того как весть о вынесенном приговоре к высшей мере наказания — смертной казни — достигла тюрьмы Наньхай, она по-прежнему не произнесла ни слова, выражая молчаливый протест.

— Так ты все-таки собираешься с ним сотрудничать? Не боишься получить нож в спину?

— Я собираюсь во всем полагаться на него. Я могу узнавать о положении дел Чэнь Линь Шуфэнь за решеткой только благодаря тому, что Се Вэньчжэ дергает за ниточки администрации тюрьмы Наньхай. В противном случае как еще я смогу организовать свидание с ней?

— В таком случае, возможно, ты укажешь ему на правильное место первого преступления?

Когда Цзинфан начала заниматься детальным анализом материалов — в частности, фотографий реконструкции мест преступления, — то, припомнив обстановку на Шуйдиляо, установила, что